

имеет, по существу, вполне механистический характер. Все элементы культуры вполне равноправны и вполне равнозначны. Они влияют друг на друга то как причина и следствие, то как следствие и причина. В этом и лежит причина безнадежного скепсиса Боаза. И в конце концов выводы статьи таковы:

„Культурные явления имеют такую сложность, что мне кажется весьма сомнительным и неосуществимым внести сюда твердые законы развития. Причинные соотношения культурных явлений зависят от взаимодействия личности и общества и никакая классификация человеческих обществ не может помочь разрешить эту проблему. Морфологическая классификация человеческих обществ вызывает и ставит различные задачи изучения. Но она их не решает“.

Тем с большим удивлением находишь в конце заключение, что этнография нужна человечеству для того, чтобы открыть среди разнообразных вариантов человеческих поступков общие линии практического поведения.

„Этнография может помочь нам найти направление для дальнейшего движения человечества“.

Эта концовка является вполне необоснованной. Ибо, каким образом этнография может служить для руководства в современной жизни, если в этнографических явлениях нет никакой закономерности.

И в конце концов, Боаз ничуть не отличается от Кребера и от других американских этнографов, которые принимают, что культура человечества представляет случайный конгломерат бессвязных, нередко противоречивых подробностей.

Католическая школа современной этнографии, возглавляемая кардиналом Шмидтом, представляет активную реакцию и ведет наступление против всех вообще научных достижений и приобретений недавнего прошлого, точно так же как немецкий фашизм ведет наступление против самых элементарных условий общественной жизни.

Кардинал Шмидт стоит диктатора Гитлера. Они соответствуют друг другу и делают общее дело.

Эмпирическая школа этнографии, возглавляемая Боазом и другими американскими учеными, с одной стороны, заявляет себя аполитичной, чуждой волнениям мира сего, а с другой стороны, она хотела бы скорее сохранить свой либерализм. Но вся она попала в тупик и запуталась в своих противоречиях.

Эти противоречия вытекают из классовых противоречий, хотя Боаз и его друзья не упоминают самого слова „классы“.

В лучшем случае эмпирическо-скептическая школа является вроде *quantité négligeable*, чем-то почти невесомым в той ожесточенной классовой борьбе, которая ныне разгорается с небывалой яркостью во всех отраслях общественной жизни, начиная от баррикадного боя и кончая полемикой на страницах спокойных и толстых ученых „трехмесячников“.

М. О. КОСВЕН

РИХАРД ТУРНВАЛЬД И ЕГО ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Рихард Турнвальд (род. в 1869 г. в Вене), доктор прав, профессор Берлинского университета, почетный член Лондонского антропологического института, в 1931—1932 академическом году читавший курс лекций в одном из университетов САСШ, принадлежит в настоящее время к числу наиболее видных представителей буржуазной „этнологии“.

Первые литературные опыты Турнвальда представляют собой небольшие компилятивные и незначительные статьи о „государстве и хозяйстве“ древнего Египта и Вавилонии (1901—1904 гг.). Годы 1906—1909 Турнвальд пробыл

в экспедиции, совершенной по поручению Германского колониального управления и Берлинского этнографического музея, в Меланезии, на Бисмарковом архипелаге и Соломоновых островах. Результатом этой экспедиции явились два тома: один — содержащий фольклорный материал, другой — посвященный „народу, государству и хозяйству“.¹ Первый том, в котором Турнвальд дал обширное собрание песен, рассказов, легенд, мифов, заговоров и пр., преимущественно в оригинальной транскрипции с текстуальным и свободным переводом, а равно с подробными комментариями, представляет собой добросовестно собранный материал и обладает несомненной ценностью. Значительно слабее другой том, содержащий сырой, отрывочный материал — необработанные полевые записи, все же дающие много интересного. Обещанные автором в предисловии к I тому еще два тома результатов этой экспедиции, посвященные языку и материальной культуре, не появились.

К результатам той же экспедиции относится работа „Этно-психологические исследования“, содержащая, в свою очередь, весьма ценный и интересный материал, однако, искаженный методом автора,² и три статьи, посвященные праву и политическим формам изучавшихся Турнвальдом племен. Эти последние публикации показали автора с крайне отрицательной стороны: на основании хаотического, диспаратного и неряшливо собранного материала, автор пытается делать скороспелые и сумбурные обобщающие выводы. В этом отношении наиболее показательна статья „Ступени государствообразования у первобытных народов“,³ в которой Турнвальд, на основании ничтожного для такой темы материала, пытается дать историю политических форм от первобытной „патриархальной“ (!) орды через „мужские дома“, и „тайные союзы“ и пр. до развитого главарства. Все это сшито либо из заимствований, либо из совершенно произвольных обобщений.

Уже в этих писаниях и к тому же времени (1912) относящейся брошюре, „Проблемы этно-психологического исследования“ Турнвальд присоединился к „психологическому“ направлению в буржуазной этнологии. Дисциплина эта, по Турнвальду, имеет целью проследить, каким путем внешние влияния, главным образом географические, видоизменяя биологическую и психо-физиологическую организацию человека, обуславливают изменения в области психо-социальных реакций. На этой основе строит Турнвальд понятие „этнической единицы“, и в этом плане исследует как все „социально-психологические“ явления внутри данной этнической группы, так и соответствующие явления, возникающие в результате культурного взаимодействия отдельных этнических групп. Разбора и критики подобная вздорно-идеалистическая конструкция, конечно, не заслуживает, тем более, что ни оригинальностью, ни новизной она далеко не отличается.

В 1912—1915 гг. Турнвальд совершил новую экспедицию по поручению тех же учреждений на Новую Гвинею. Застигнутый империалистической войной, он до 1919 г. пробыл в Америке, где работал в калифорнийском университете, в г. Беркли, близ С. Франциско. Опубликованные Турнвальдом результаты второй его полевой работы значительно скромнее по размерам и трудно согласиться, что более ценны по содержанию. Это монография племени банаро,⁴ правда, содержащая частично в высшей степени интересный материал,

¹ R. Thurnwald. Forschungen auf den Salomo-Inseln und dem Bismarck-Archipel. I. Lieder und Sagen aus Buin. Berlin, 1912; III. Volk, Staat und Wirtschaft. Berlin, 1912; II. том должен был содержать лингвистическую часть.

² Ethno-psychologische Studien an Eingeborenen im Bismarkarchipel und auf Bougainville. Ztschr. für angew. Psych., Beiheft 6, 1913.

³ Stufen der Staatsbildung bei den Urzeitsvölkern (auf Grund von Forschungen bei den melanesischen Stämmen der Südsee). Ztschr. für vergl. Rechtswiss., 25 (1911).

⁴ Die Gemeinde der Banaro. Ehe, Verwandtschaft und Gesellschaftsbau eines Stammes im Innern von Neu Guinea. Aus den Ergebnissen einer Forschungsreise 1913—1915. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte von Familie und Staat. Stuttgart, 1921; то же в Ztschr. f. vergl. Rechtswiss., Bd. 38—39.

однако, опять-таки крайне хаотическая и, конечно, изуродованная „психологизмом“ автора.

Как в этой работе, так и в одновременно появившихся трех статьях,¹ Турнвальд вновь повторяет ошибку, свойственную, казалось бы, только начинающим исследователям, — на основании незначительного по объему, локального и неглубоко проработанного материала решать большие и далеко не легкие проблемы, к тому же эклектически комбинируя ходячие взгляды и теории. К тому же времени относится поверхностная работа Турнвальда о „психологии тотемизма“.² Пожалуй, наиболее удачной этого же периода работой Турнвальда можно считать его компендий „Психология примитивного человека“,³ имеющий по крайней мере то достоинство, что в весьма сжатом виде она дает разносторонний и довольно большой материал, хотя следовать за автором в его характеристиках и оценках, конечно, не приходится.

После некоторого прорыва Турнвальд с 1924 г. начинает выступать с довольно обильной статейной продукцией на разнообразные темы общего психо-социологического содержания: о социальной биологии, об эмпирической социологии, о проблеме „вождя“ и пр., иногда отклоняясь к темам, выходящим за пределы обычного для него круга, например, „Символ в этнологическом освещении“. В то же время Турнвальд принял активное участие в известном журнале, издававшемся с 1924 по 1929 гг. покойным Максом Эбертом, поместив здесь длинный ряд крайне небрежных и поверхностных статей на различные темы.

С 1919 г. Турнвальд стал преподавать „этнологию, психологию и социологию“ сначала в качестве приват-доцента в Галле, а с 1923 г. — профессора в Берлине. С 1826 г. Турнвальд становится редактором им же основанного журнала „Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie“, с 1932 г. переименованного в „Soziologus“, издающегося на американские средства и помещающего статьи на немецком и английском языках. В этом журнале преимущественно Турнвальд выступает со своими „этно-психо-социологическими“ экскурсами и рецензиями.

В самые последние годы Турнвальд становится, следуя распространившейся „моде“, африканистом, совершает экспедиции в Северную Африку, и оказывается в числе видных деятелей Международного института по изучению африканских языков и культур. Этот, основанный в 1926 г. в Лондоне институт, заслуживающий, между прочим, особого внимания, сумел соединить в своем исполнительном комитете, возглавляемом известным английским колонизатором, лордом Фредериком Легардом, ныне губернатором Нигерии, представителей науки, миссионеров и колониальных администраторов, имел своей программой проведение в Африке своего рода тоже „национальной политики“. Органом этого института является журнал „Africa“. Среди его администраторов и главных деятелей находим в мирном сотрудничестве из числа более известных имен: Вестермана, Лабуре, Зелигмана и Малиновского, также сделавшихся „африканистами“, Леви Брюля, патера Шмидта и Турнвальда.

Новейшее произведение Турнвальда — обширное сочинение: „Человеческое общество в его этно-социологических основаниях“, рассчитанное на пять томов, из которых в 1931—1932 г. вышло три тома.⁴ Если, следя за прежними

¹ Sociale Organisation und Verwandtschaftsnamen bei Primitiven. Ztschr. vergl. Rechtswiss., Bd. 36 (1920). Politische Gebilde bei Naturvölkern. Ein systematischer Versuch über die Anfänge des Staates. Ibid., Bd. 37 (1920). Entstehung von Staat und Familie. Blätter für vergl. Rechtswiss., 16 (1921).

² Die Psychologie des Totemismus. Anthropos, 12/13—14/15 (1917/1918—1919/1920).

³ Psychologie des primitiven Menschen. Handbuch der vergleichenden Psychologie, hrsg. von G. Kafka, Bd. I, 2, München [1922].

⁴ Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen. I. Repräsentative Lebensbilder von Naturvölkern. II. Werden, Wandel und Gestaltung von Familie, Verwandtschaft und Bündnis im Lichte der Völkerforschung. III. Werden, Wandel und Gestaltung der Wirtschaft im Lichte der Völkerforschung. B. — L., 1931—1932.

этнографическими работами Турнвальда, можно было еще ожидать, что он, все же полевик и исследователь с достаточно широким кругозором, сумеет еще после своих неудачных обобщающих работ, дать что-либо самостоятельное и более или менее заслуживающее внимания, то с выходом вышеназванного труда, этот расчет отпадает.

Построение нового сочинения Турнвальда таково: в первом томе автор дает, помимо общего введения, этнографический материал в форме кратких характеристик ряда отсталых народов — представителей разных типов культуры. Следующие четыре тома посвящаются семье, хозяйству, обществу и государству и, наконец, праву. В общем, по своему содержанию и характеру, сочинение Турнвальда представляет собой типичную для буржуазной „этнологии“ попытку всеохватывающего изложения предмета этой беспредметной и безграничной дисциплины, и по своим достоинствам, на наш взгляд, значительно ниже, чем, например, общеизвестная работа Шурца. О характере отдельных томов можно судить, например, по следующему содержанию II тома: семья и ее формы, положение женщины, ее влияние, брак, нарушение брака, развод, полигамия, свадьба, сексуальные обычаи, целомудрие, промискуитет, проституция, проблема брачных порядков, родство, материнское право, авункулат, сорорат, кувада, отцовское право, ребенок, возрастные ступени, вдова, мужские союзы, посвящение юношей и девушек, тайные общества, коммунальные сооружения, клубы. В таком же всеобъемлющем и пестром виде содержание третьего тома, посвященного хозяйству. Все это преподносится в хаотически непроработанном виде, случайно надерганного материала и скороспелых обобщений. Явным образом Турнвальд компилирует в данной работе свои вышеупомянутые статейки.

И в новом своем сочинении Турнвальд остается достаточно поверхностным и туманным в приложении своего метода и общих установок своего исследования. В трактовке же отдельных проблем он, стремясь, как всегда, быть оригинальным, лишь эклектически путает. Вместе с тем, здесь, как и в других работах последнего времени, Турнвальд ведет изложение нарочито манерным языком, в необычайных формулировках пытается создать новую терминологию, прибегает к заведомо неудачным словообразованиям.

Надо признать, что в целом вся эта новая работа Турнвальда совершенно лишена научного значения, может без всякого для нас ущерба совершенно игнорироваться в нашей исследовательской работе и характерна только как лишняя иллюстрация беспомощного топтания на месте, а скорей и деградации буржуазной „этнологии“.

Социально-политическое качество и направленность турнвальдовской „этнологии“ наглядным образом демонстрируется его взглядами на значение и цели этой дисциплины. Как и в других описаниях, Турнвальд в новой своей работе разграничивает, с одной стороны, „этнографию“, которая дает „точно так же, как и история“ (!) факты и, подобно демографии, учению в народном хозяйстве и социогрфии, является наукой описательной, а с другой стороны, „этнологию“, возвышающуюся над простым описанием и являющуюся наукой обобщающей. Скорее вскользь, на сей раз, говорит Турнвальд об „этно-психологических“ установках. На данном этапе „этнология“ для Турнвальда имеет прежде всего совершенно практическое значение и притом не столько с общей, сколько с германской, „национальной“ точки зрения. Поэтому на вопрос: „зачем нужна этнология?“ Турнвальд без обиняков отвечает следующим образом: хотя, мол, мы, немцы, сейчас не имеем колоний, но вопрос о наших колониальных владениях „не умер“. Охарактеризовав, далее, задачи, трудности и пр., стоящие на пути колонизаторства, в частности, при „использовании рабочей силы“ отсталых народов, и подчеркнув с тревогой, что среди них развивается национальное движение, „оживляемое коммунистическо-революционными учеными“, Турнвальд резюмирует: „Из этих в широком смысле

колонизальных проблем и из наших актуальных и насущных отношений к отсталым народам и их культурам возникают общие вопросы социологического и психологического порядка, к разрешению которых в первую очередь призвана „этнология“.

Так совершенно открытым и достаточно циничным образом Турнвальд, начав с полевой этнографии, — правда, уже по заданиям Имперского колониального управления, — и пройдя через более или менее отвлеченную „этно-психологию“, скатился к практической „этнологии“ как „научному“ орудии подавления национального движения и колониального порабощения отсталых народов.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ГРУППОВОМ БРАКЕ

Не приходится говорить о значении группового брака для марксистско-ленинской теории первобытного общества. Морган, открывший его существование, рассматривал групповой брак как третью ступень развития семьи, непосредственно следующую за периодом промискуитета и кровно родственной семьей. Классической формой группового брака он считал пуналуальную семью, из которой впоследствии развились родовые институты, в то время как австралийский брак целыми классами представлялся ему „более грубой формой группового брака“.

Основывавшийся в значительной мере на открытиях Моргана, Энгельс дал новую постановку вопроса, еще больше подчеркнув значение группового брака. Все формы брака, предшествовавшие парной семье, Энгельс рассматривает как разновидности группового брака. „Мы имеем три главные формы брака, в общем и целом соответствующие трем главным стадиям развития человечества. Состоянию дикости соответствует групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия, дополняемая супружеской неверностью и проституцией.“¹

Энгельс вовсе не утверждал, что существование группового брака несовместимо с родовым строем. Подобное, чрезвычайно распространенное в нашей литературе мнение основано на полном непонимании взглядов Энгельса. Групповой брак действительно характерен для „периода дикости“, но, описывая греческий род, Энгельс отмечает, что в связи с уже совершившимся переходом от материнского рода к отцовскому, „следы группового брака начали значительно стираться“.² Групповой

брак существует еще в условиях материнского рода. Более того, можно сказать, что высших своих форм он достигает именно в период ранне-родового общества. „Появившись на средней ступени и развившись на высшей ступени дикости, род достигает своего полного расцвета, насколько позволяют судить наши источники, на низшей ступени варварства“.¹ В течение всего среднего и высшего периода дикости (если перевести на современную терминологию, то на протяжении всего верхнего палеолита и мезолита)² род существует с групповым браком. Только развитие родовых институтов превратило бесформенно-промискуозные сношения в твердо конституированные экзогамные группы и создало классификаторскую систему родства. „Чтобы эта система родства могла появиться на свет, для этого необходима еще родовая организация. Отсюда следует, что она появилась позднее „пуналуальной семьи“ и произошла из нее. Эта организация принадлежит средней ступени дикого состояния“.³

Морган построил свою замечательную схему развития семьи главным образом на основе анализа систем родства. Единственным известным ему „живым“ случаем группового брака

¹ Энгельс, цит. соч., стр. 159.

² „Ориньякско-солютрейская эпоха является эпохой зарождения родового строя“, — пишет Борисковский („К вопросу о стадийности в развитии верхнего палеолита“. Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. 4, стр. 28). Этот вывод, целиком совпадающий с результатами моих собственных исследований, больно бьет по пресловутой теории „тотемического общества“, которую так неудачно пытался защищать С. Н. Быковский в предисловии к названной работе Борисковского.

³ Морган. Первобытное общество, стр. 493.

¹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 74, 1932.

² Энгельс, цит. соч., стр. 99.